

— До сих пор никак не могу простить себе одну глупость. Приходит как-то ко мне Александр Николаевич и говорит: «Когда ты будешь совсем старой... ну... когда тебе исполнится лет двадцать, тогда ты поймешь, ЧТО я тебе сегодня подарил». Это была сложенная бумажка. Я развернула и мельком посмотрела — там было: «Злые духи. Слова и музыка Александра Вертинского.» Я сунула бумажку в сумочку и пошла домой. Дома я, конечно, все забыла, потом бумажка потерялась — мы вечно переезжали из города в город, бросаю вещи в гостиницах — как богема.

Сейчас я понимаю, что у меня в руках была уникальная бумага — как жаль, что она не сохранилась до сегодняшнего дня...

— Я прочитал вашу книгу. Могу даже сдать по ней небольшой экзамен, — сказал я, — вот например, эту беленькую собачку зовут Люсей, в честь белого бульдога Вертинского.

Баянова засмеялась.
«Не люблю я воспоминаний, стараюсь их отбрасывать от себя... Воспомина-

ния — это тоска и боль... Ведь ничего и никого нельзя вернуть! Я не хотела вспоминать, я не хотела писать эту книгу. Все получилось случайно. В один прекрасный момент память, не спросив меня, вдруг «прокрутила», как в кино, всю мою жизнь, и мне не оставалось ничего иного, как взять и записать эту жизнь...» — Алла Баянова «Гори, гори, моя звезда».

— Это было в Париже, в баре «Казанова». Мне было лет четырнадцать. Однажды ко мне подошел высокий стройный человек. Он к тому времени уже был очень знаменит и даже, кажется, запрещен в России — еще во времена монархии. Он пел такие... упадочнические песни — «Безноженька», «Бал Господен» — и говорят, что под влиянием его песен несколько человек покончили жизнь самоубийством — вроде бы даже Есенин.

Вертинский пригласил меня танцевать, а я обожала танцевать — чарльстоны. Он был очень веселый и изобретательный — говорил мне: «Давай будем изображать, что ты в меня безумно влюблена, а я тебя совсем не замечаю. Ты будешь на меня страстно смотреть, а я буду так холодно отворачиваться...» Я огля-

АЛЛА БАЯНОВА В 14 ЛЕТ:

ВЕРТИНСКИЙ И ОБОЛЕНСКИЙ

нулась на маму — смотрю, она улыбается — она-то его узнала.

Через некоторое время вдруг приходит контракт на мое имя из Большого Московского Эрмитажа. В этом роскошном баре было три этажа и на каждом — своя программа. Приходили туда в основном магнаты и финансисты. Швейцару у дверей было приказано пропускать только тех, кто в вечерних платьях. Если приходил человек, например, в сером костюме, швейцар тихонько к нему наклонялся и просил переодеться. Понимаете?

(Ах, Алла Николаевна, нынче в Москве точно так же не пускают господ в казино, если они приехали не в костюме, а в тренировочных штанах. У гар-

деробщика есть несколько пар брюк и несколько галстуков — за определенную мзду он выручает современных магнатов и финансистов.)

«Вертинский захватывал зал, как никто. После выступления люди, как одержимые, кидались к нему, окружали, каждый стремился перекинуться с ним словом, да просто дотронуться до него. Надо сказать, что, несмотря на свою чудовищную популярность, Вертинский был человеком весьма общительным и добрым. Он прекрасно говорил по-французски и с удовольствием беседовал со своими поклонниками, по крайней мере, те всегда думали, что он делает это с удовольствием».

— Женщины его обожали, даже если не понимали ни

слова из того, что он поет. Они его просто преследовали — бывало он прибежит после выступления ко мне в гримерную, спрячется в моих тряпках и кричит: «Аделаида, спасай, спасай меня, а то эти акулы сейчас разорвут!» ...

Он великолепно чувствовал женщин — помните, в его песне «Концерт Сарасате» — «и давно уж не моден, давно неприличен ваш кротовый жакет с легким запахом «Амбр». С легким запахом «Амбр» — тогда это были очень модные духи.

— Отчего вы расстались?

— Отец создал квартет — похожий на знаменитый тогда квартет Караваева, и тут пришел ангажемент из Канн.

— Его устроил Оболенский?

— Да. Князь Андрей был очень уютным человеком. Наш «роман» начался после того, как однажды он пригласил меня на танец.

«Тогда было модно в ресторанах иметь роскошные площадки для танцев. И были там «паркетные танцоры». Это была профессия. Танцоры развлекали дам, которые могли себе позволить пригласить такого молодого человека, чтобы посидеть в приятной беседе, потанцевать, одним словом,

провести время... Кстати, князь Оболенский тоже был паркетным танцором... Андрей Оболенский был мужчиной крупного сложения, лет двадцати восьми... Он подходит к нашему столу, здоровается со всеми и приглашает меня на танец. Он обласкал меня, прижал к себе, такой большой, теплый, уютный, от него струился такой тонкий, пьянящий женщин аромат чисто мужского одеколона и легкого табака. Я танцевала не касаясь земли, как в пуховой люльке...»

— Он жил в Каннах, а мы — в Париже. И несколько раз в неделю он мчал на машине ко мне на свидания. И вот однажды он попросил моей руки — мама спросила, согласен ли он ждать еще три года? «Хоть тридцать лет!» — ответил он и уехал на несколько дней в Канн. А дорога большей своей частью представляет серпантин. Крутится, крутится, завязывается в узлы... И когда он мчался ко мне обратно в Париж по этому серпантину, его машина презалась в скалу и он разбился насмерть.

Андрей ДОБРОВ

Моск. новости и Вост. фронт. — 1995. — ноябрь. — С. 5-6.